

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)+279.99+391:63+323.325

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>

Граммфон как искушение или дискуссии о «сомнительных новшествах» на страницах старообрядческой периодики начала XX века

А.В. Апанасенко¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью научного осмысления закономерностей адаптации традиционного общества к ускорению научно-технического прогресса и реалиям модернизации, а также с эвристической ценностью исследования особенностей старообрядческой культуры позднего имперского периода.

Цель исследования: охарактеризовать особенности развернувшихся в начале XX века на страницах старообрядческих журналов дискуссий о возможности использования различных достижений прогресса.

Задачи: показать, какие новые вещи и явления могли вызывать к себе скептическое отношение у верующих-традиционалистов; рассмотреть причины такого отношения; охарактеризовать позицию журналов по поводу допустимости тех или иных новшеств в индивидуальном или общественном быту.

Методология. В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания, сравнения и исторической индукции. Теоретической основой исследования выступила теория догоняющей модернизации.

Результаты. В процессе анализа рассмотрены дискуссии, развернувшиеся в старообрядческой среде по поводу возможности использования граммофона, керосиновых ламп, спичек, электрических приборов, громоотвода, а также практик осповриствования и страхования имущества. Демонстрируется, что наиболее последовательными противниками нововведений были провинциальные старообрядцы.

Выводы. В статье показано, что аргументы традиционалистов носили религиозный характер. Прогресс в их глазах нес дегуманизацию, замену человеческих усилий бездушными механизмами. В технических новациях и непривычных социальных практиках просматривалось искажение богоустановленной природы и нарушение естественного порядка вещей. Подспудно на отрицательную оценку тех или иных «новинок» оказывало влияние и их иностранное происхождение. Внедрение последних породило размежевание в старообрядческой среде на сторонников и противников усовершенствования традиционного быта. Старообрядческая интеллигенция считала возможным применение новых технических средств и общественных практик, а популярные старообрядческие журналы регулярно призывали своих читателей рационально оценивать новации, рассматривать их как инструменты для правильной организации земной жизни.

Ключевые слова: старообрядчество; модернизация; технический прогресс; традиции; русский толстый журнал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенко А.В. Граммфон как искушение или дискуссии о «сомнительных новшествах» на страницах старообрядческой периодики начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 214–225. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>.

Поступила в редакцию 26.06.2025

Принята к публикации 31.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The gramophone as a temptation or discussions about "dubious innovations" on the pages of the Old Believers periodicals of the early 20th century

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the importance of academic understanding of traditional society adaptation patterns to the acceleration of scientific and technological progress and the realities of modernization, as well as the heuristic value of studying the features of the Old Believer culture of the late Imperial period.

The purpose of the study is to characterize the features of the discussions that unfolded in the early 20th century on the pages of Old Believer journals about the possibility of using various achievements of progress.

Objectives: to show what new things and phenomena could cause skepticism among traditionalist believers; to consider the reasons for this attitude; to characterize the position of magazines regarding the permissibility of certain innovations in individual or social life.

Methodology. In the course of working with publications, traditional methods of textual analysis were used. The methods of description, comparison, and historical induction were used by the author to interpret the data obtained. The theoretical basis of the research was the theory of catch-up modernization.

Results. In the course of the analysis the discussions that unfolded in the Orthodox environment about the possibilities of using a gramophone, kerosene lamps, matches, electrical appliances, lightning rods, as well as the practices of vaccination and property insurance are considered. It is demonstrated that the most consistent opponents of innovations were the provincial Old Believers.

Conclusions. The paper shows that the arguments of the traditionalists were religious in nature. In their eyes, progress was dehumanizing, replacing human efforts with soulless mechanisms. Technological innovations and unusual social practices revealed a distortion of God-ordained nature and a violation of the natural order of things. Latently, the negative assessment of certain "new products" was influenced by their foreign origin. The introduction of the latter gave rise to a division among the Old Believers into supporters and opponents of the improvement of traditional life. The Old Believer intelligentsia, including those represented on the editorial boards of journals, considered it possible to use new technical means and public practices, and popular Old Believer journals regularly urged their readers to rationally evaluate innovations and consider them as tools for the proper organization of earthly life.

Keywords: Old Believers; modernization; technical progress; tradition; Russian thick journal.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A.V. The gramophone as a temptation or discussions about "dubious innovations" on the pages of the Old Believers periodicals of the early 20th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):214–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>.

Received 26.06.2025

Accepted 31.07.2025

Published 28.09.2025

Введение

Начало XX столетия вошло в отечественную историю как период быстрой модернизации государства и общества. Драматические политические метамор-

фозы, необратимые социально-экономические сдвиги, впечатляющая культурная динамика не оставляли у современников сомнений в том, что они вступают в новую эпоху, изменяя или даже оставляя в прошлом многие традиции. Зримыми до-

казательствами этого перехода стали и многочисленные плоды научно-технического прогресса, быстро распространявшиеся среди населения, а также сопутствовавшие им новые социальные практики. Протянувшиеся на десятки тысяч километров железные дороги, телеграф и телефонная связь предопределили возможности быстрой коммуникации, а заодно и ускорение темпа жизни заметной части населения. В дома обеспеченных городских жителей пришли электричество и водопровод, а вместе с ними – первые стиральные машины, пылесосы, современные ванны. В более-менее «продвинутых» слоях общества активно формировалась новая культура гигиены, предполагавшая частое мытье, использование косметики и парфюмерии, химчистку одежды и т. п. Новые технические средства обогатили и культуру досуга: журналы и газеты (массовое распространение которых тоже стало проявлением модернизации) все чаще размещали рекламу немецких фотоаппаратов, американских пишущих машинок и французских граммофонов [1, с. 275–279]. В сельской местности блага цивилизации распространялись, разумеется, гораздо медленнее, однако и тут наступавшая эпоха модерна проявляла себя посредством новой агротехники, керосина, газет, а также появившихся у крестьян простейших медикаментов.

Внедрение в повседневный обиход тех или иных новшеств (в том числе и не очень больших) обычно приводит к изменению устоявшихся моделей бытового или социального поведения, разрушает те или иные привычки, а потому вызывает недовольство со стороны консервативно ориентированных людей. Не удивительно, что в России начала XX в., столкнувшейся с большим количеством непривычных вещей и явлений, восторги по поводу новых возможностей и удовлетворение от достижений прогресса соче-

тались с критикой последнего. Чаще всего такая критика была слышна в среде провинциальных старообрядцев, в сознании которых обычная для «глубинки» инертность сочеталась с конфессионально обусловленным скепсисом по отношению к достижениям модернизации.

Исследователями часто констатировались факты неприятия консервативными старообрядцами отдельных инноваций: об этом можно прочитать в трудах Р. Крумми [2], Р. Робсона [3], Е.С. Данилко [4], В.В. Керова [5] и других ученых. В то же время проблема осмысления староверами технического и социального прогресса в позднеимперской России еще ждет обстоятельного исследования. Она не только интересна, но и, несомненно, важна эвристически: многомиллионный старообрядческий мир составлял заметную часть населения страны, витавшие в нем настроения, так или иначе, оказывали влияние на российское общественное сознание в целом. Кроме того, многоаспектное изучение процесса принятия старообрядческой средой новшеств могло бы дать результаты, весьма полезные для понимания процессов, происходящих в разных традиционных сообществах в условиях форсированной модернизации.

В данной статье автор стремится внести небольшой вклад в исследование обозначенной проблемы, обратившись к содержанию периодических изданий начала XX в. *Цель работы* – в общем виде охарактеризовать особенности развернувшихся на страницах старообрядческих журналов дискуссий, предметом которых стала возможность использования некоторых достижений прогресса. При этом предполагается, во-первых, показать, какие новые вещи и явления могли вызывать к себе скептическое отношение у верующих-традиционалистов, во-вторых, рассмотреть причины такого отношения, а в-третьих, охарактеризовать позицию самих журналов по поводу допустимости

тех или иных новшеств в индивидуальном или общественном быту.

Методология

В ходе исследования автором использовались материалы четырех старообрядческих журналов, выходивших в 1910–1916 гг. Это «Златоструй» (издавался в 1910–1913 гг. в Москве), «Старообрядческая мысль» (выходила в 1910–1916 гг. сначала в Киеве, затем в Москве), «Уральский старообрядец» (выпускался в 1915–1916 гг. в Екатеринбурге), а также «Щит Веры» (издавался в 1912–1916 гг. в Саратове). Первые три журнала, издававшиеся староверами-поповцами, позиционировали себя как печатные органы для всего старообрядческого мира России и стремились к осмыслению происходивших в стране событий через призму религиозно-философских и общественных взглядов старообрядческой интеллигенции. Четвертый журнал издавался беспоповцами и был в первую очередь предназначен для старообрядческих наставников как помощник в толковании тех или иных сложных феноменов современной жизни [6, с. 151]. Все перечисленные издания стремились к «очищению» старообрядческого мира от вредных явлений [7], а потому не могли обойти стороной проблему издержек (явных или мнимых) прогресса.

В процессе анализа публикаций применялись традиционные методики текстологического анализа. Для обработки и интерпретации представленных в периодических изданиях материалов использовались методы описания, сравнения, а также исторической индукции. Говоря о теоретических основаниях проведенной работы, надо сказать, что автор опирался на положения теории догоняющей модернизации. Модернизация такого типа (в Российской империи она фактически носила характер вестернизации) обычно предопределяет необходимость

внесения в устоявшийся жизненный мир населения элементов иностранной культуры, порождает дилемму оптимального соотношения в дихотомии «самобытное развитие – заимствования извне» [8, р. 5]. Она же, как правило, порождает культурную оппозицию в традиционалистски ориентированных общественных слоях. Российское старообрядчество (в первую очередь его провинциальная часть) может рассматриваться как своеобразный полюс этой оппозиции.

Результаты и их обсуждение

Начиная обзор «новшеств», вызывавших сомнения у представителей старообрядческого мира в начале XX в. и потому ставших предметами обсуждения на страницах периодических изданий «древлеправославных» христиан, имеет смысл остановиться на интересной дискуссии, развернувшейся на страницах «Старообрядческой мысли» в 1910 г. В первый год своего существования этот журнал выпустил статью, призывавшую читателей пользоваться граммофоном. Автор статьи (по совместительству – издатель журнала) Н. Зенин утверждал, что техническая новинка, в последние годы ставшая доступной широкому кругу покупателей, может принести немалую пользу. Последняя связывалась с возможностью слушать хорошую музыку (в первую очередь духовную) в тех местах, где нет профессиональных исполнителей, а также учиться пению без учителей, просто прослушивая пластинки [9]. Через два месяца журнал предложил конкретный пример полезного, на взгляд редакции, использования возможностей звукозаписи. В очередной заметке рассказывалось о том, как знаменитый старообрядческий Морозовский хор прибыл из Богородска в Москву для записи нескольких пластинок. Эти пластинки, содержавшие записи наиболее важных церковных песнопений, должны были разойтись

по разным регионам страны и стать ориентиром для качественного исполнения соответствующих композиций местными певчими [10].

Благая инициатива Морозовского хора, а также поддержавшей его редакции журнала, однако, не нашла единой поддержки со стороны старообрядческой общественности. Выразителем протеста консерваторов выступил священник Е. Карнышев, отправивший в «Старообрядческую мысль» гневное письмо с обвинениями издателя в «искушении» христиан. Претендуя на право выразить мнение старообрядческих начетчиков, он укорил сторонников использования нового технического средства за профанацию церковной жизни, а также уподобление католикам, впусившим музыку в свои костелы. «Вы скажите, угодно ли Богу это граммофонное славенье на бездушном предмете?», – спрашивал он своих оппонентов. «Нет, прославлять Бога мы должны только одушевленным человеческим организмом», – сам же отвечал на этот вопрос батюшка. Увлечение техническими средствами, утверждал он, приведет к ситуации, когда на клиросе в церкви вместо человека водрузят граммофон, а обеспеченные прихожане вообще перестанут ходить в храм, т. к. будут слушать молитвы дома на собственных граммофонах. Что касается светских записей, то вердикт по отношению к ним оказался совсем суровым: Карнышев назвал их «баснословными, сквернословными, с разными бесовскими песнями» [11, с. 210].

Очевидно, проблема использования граммофона была для старообрядцев в 1910 г. весьма неоднозначной. Редакции «Старообрядческой мысли» пришлось опубликовать еще одну статью с ответом на критику. В ней говорилось, что мнимое «искушение» на самом деле является прекрасным средством для ознакомления далеких уголков России с хорошей по-

становкой пения, а пластинка – просто «учителем» для желающих овладеть певческим искусством. При этом редакция признавала, что об использовании граммофонных записей во время или (тем более) вместо богослужений речи идти не должно. Записи нецерковного содержания были классифицированы как бесполезные, хотя и не содержащие такого «греха», какой рисовали в своих доводах их последовательные противники [12, с. 210–212].

А противников, судя по всему, было действительно много. Например, в той же «Старообрядческой мысли» можно найти заметку о том, как священник из г. Николая Екатеринославской губернии отказался от подписки на журнал, встретив в нем статью с названием «Церковное пение и музыка». Слово «музыка» вызвала ассоциации с чем-то инородным и греховным (в том числе, очевидно, с записями для граммофонов) и заставила батюшку как можно скорее отказаться от «соблазна». Впрочем, и он, и его «матушка», судя по комментариям автора заметки, опасливо относились не только к музыке, но и к самому журналу, поэтому расставание с подпиской принесло им скорее облегчение, чем чувство утраты. Автор же заметил, что поведение такого рода в провинции – отнюдь не редкость [13].

Скепсис в старообрядческой среде вызывали и вещи, на первый взгляд имевшие сугубо прикладное, бытовое предназначение. Так, в 1912 г. в журнале «Златоструй» развернулась дискуссия по поводу оправданности использования в домашнем хозяйстве керосина (а заодно и керосиновых ламп). Это топливо довольно активно входило в повседневный обиход начала XX в., вытесняя в крестьянских домах традиционные лучины и масло. Однако у верующих-традиционалистов оно вызывало опасения, связанные с inferнальными ассоциациями (специфический резкий запах, мгновенное воспла-

менение). В отличие от традиционной масляной лампы керосиновую лампу не представлялось возможным ставить рядом с иконами, а сам керосин, даже если избегал сравнения с «адской водой», нередко представлялся чем-то неестественным, противоположным «нормальному», хорошо пахнущему горючему, а потому греховным. Такого рода соображения не раз излагались на страницах «Златоструя», при этом сама редакция занимала явно «прогрессивную» позицию. В конце концов она попыталась положить конец дебатам, указав читателям, что само по себе использование горючего не может составлять грех, ведь оно не идет вразрез с божественными заповедями и не приносит вреда окружающим людям. «Человек изобрел лампу, которая безопасно сжигает керосин, освещая и обогревая его жилище. Где тут грех?», – риторически вопрошал журнал [14, с. 119].

Но, конечно, окончание дискуссии на страницах одного издания не означало ее прекращения вообще. Например, в 1916 г. редакция «Щита веры» обсуждала со своими подписчиками содержание рукописного сборника «Златая цепь», включившего в себя фрагменты популярных у староверов религиозных текстов. В этом сборнике содержались намеки на необходимость запрета керосиновых ламп [15, с. 438–439]. Негативное отношение староверы нередко демонстрировали и по отношению к зажигавшим керосиновые лампы спичкам, подозревая что-то нехристианское, неестественное и опять же inferнальное в их быстром возгорании [3, р. 104].

Нарушением естественного порядка вещей некоторые старообрядцы считали использование электричества и громоотводов. Автор опубликованной в «Старообрядческой мысли» статьи по этому вопросу (1912 г.) жаловался на большое количество одноверцев, рассматривавших изобретения физиков в качестве «ереси».

Для опровержения такого суждения он пошел оригинальным путем: вместо рационализации технических практик читателям были предложены сюжеты из Ветхого Завета, в которых описаны явления, напоминающие беспокоившие людей начала XX столетия «новшества». Из этих сюжетов следовало, что еще царь Соломон, а также пророк Моисей знали о свойствах электричества и умели пользоваться громоотводами, поэтому никакой «ереси» в их применении нет и быть не может [16, с. 597–598].

Как ни странно, иногда под запрет в старообрядческой среде начала XX в. мог попасть и металлический плуг. Довольно красноречива в этом смысле заметка, опубликованная в 1915 г. «Уральским старообрядцем». Ее автор довольно эмоционально описал ситуацию, сложившуюся в Пермском крае. Здесь местные крестьяне-старообрядцы наотрез отказывались внять доводам агронома и его помощников, призывавших пахать землю плугом. Используя примитивную соху, земледельцы поясняли, что священные книги запрещают взрывать землю глубоко. «Господин агроном сообщает, – говорилось в заметке, – что он неоднократно говорил им о пользе плугов, говорил его помощник и наконец они вместе с помощником старались убедить мужиков; однако к желанным результатам не пришли: мужики молча покачивают головами и только изредка кто-нибудь постарше произносит: “нет... Писание запрещает”» [17, с. 49–50]. Отношение автора, считавшего себя просвещенным старовером, к данной ситуации выразилось в заключительной фразе. «Скоро ли наконец светлый луч заглянет в этот темный уголок, осветит его и развеет тяжелую тьму?», – почти с отчаянием написал он [17, с. 50].

Разумеется, Св. Писание не запрещало использования плуга, как и какой-либо другой сельскохозяйственной тех-

ники, ответы пермских старообрядцев своему агроному выступали, по всей видимости, попыткой «теоретически» обосновать свое нежелание использовать инновации. Опасения по поводу их внедрения, вероятно, были обусловлены западным происхождением «продвинутой» агротехники (иностранцы, особенно западные, веяния традиционно вызывали скепсис у староверов, считавших таковые опасностью для традиционной русской культуры и, особенно, прочности веры). Новая техника для обработки земли если и не производилась, то, по крайней мере, часто проектировалась за рубежом (как и упоминавшиеся выше граммофоны). Впрочем, в случае с плугом неприятие «новшества» было локальным: старообрядцы, считавшиеся в России рачительными хозяевами, традиционно стремились к эффективному землепользованию. Не удивительно, что на нескольких съездах староверов, состоявшихся в предреволюционные годы, никаких решений о запрете использования тех или иных сельскохозяйственных орудий принято не было (хотя некоторые делегаты из Сибири и пытались ставить соответствующие вопросы, называя новые технологии «радостью» для противников христианства) [3, р. 102]. Напротив, ведущие старообрядческие журналы: «Златоструй», «Уральский старообрядец» – активно пропагандировали внедрение в аграрный быт новых технологий. Первое из указанных изданий даже включало в себя специальное приложение, знакомившее читателей с инновациями в области сельского хозяйства. Здесь, например, можно было прочесть о перспективах получения крестьянскими хозяйствами новой техники [18], познакомиться с новейшими технологиями работы на полях [19], прочесть о решениях совета старообрядческих съездов по поводу предпочтительных способов улучшения сельского хозяйства [20].

Принципиальное неприятие «ревнителей старины» могли вызывать не только конкретные вещи, но и новые (или осмысливавшиеся в качестве таковых) практики. В частности, значительные проблемы у представителей медицинских служб и связанных с ними земских деятелей возникали при попытках организовать оспопрививание в сельской старообрядческой среде. Прививки против оспы, как известно, начали выборочно делаться в России еще в XVIII в., в XIX в. стали популяризироваться энтузиастами, однако из-за дефицита решительных государственных действий (в том числе из-за отсутствия закона, делающего прививки обязательными) долгое время были неизвестны широким крестьянским слоям. Лишь в начале XX в. соответствующие практики стали массовыми, что, впрочем, не исключало и массовых отказов от них. Автор статьи «Старообрядцы и оспопрививание» П. Шмаков (медик по образованию) в 1910 г. описал такого рода ситуацию в нескольких пермских деревнях. Несмотря на высокую детскую смертность от оспы (в год умирало до 20 человек в одной деревне), местные жители-старообрядцы, поддерживаемые своим священнослужителем, на протяжении нескольких лет отказывались от прививок, мотивируя отказы необходимостью покоряться «Божьей воле». Лишь прибытие медицинской команды, включавшей фельдшера-старообрядку, помогло убедить некоторых крестьян привести своих детей в пункт вакцинации. Констатируя локальную победу над «косностью», автор не преминул указать на глобальный масштаб проблемы, в заключение заметив, что «много в России таких деревень» [21, с. 397].

Старообрядческие издания попытались внести свой вклад в медицинское просвещение одноверцев. «Златоструй» в 1911 г. поместил довольно обширный текст в раздел «Ответы редакции» на те-

му мнимой греховности оспопрививания. Опираясь на многочисленные сюжеты из Св. Писания, а также произведения отцов церкви, редакция доказывала, что истинные христиане с древности стремились к лечению болезней доступными им средствами, поэтому старообрядец не должен игнорировать те возможности, которые в XX столетии дает ему медицинская наука. «Оспу к нам занесли грязные кочевники, заразившиеся от своего скота. Надо подумать о том, кто более грешит: тот ли христианин, который предупреждает болезнь мерами, открытыми Богом уму человеческому, или же тот, кто чрез свое нерадение и невежество допускает уродство своих детей: слепоту, калечество и т. п.», – убеждал журнал своих подписчиков [22, с. 75–76]. Через два месяца из-за большого количества аналогичных вопросов по поводу совместимости прививок и христианского образа жизни от читателей редакция вынуждена была еще раз обратиться к той же теме, подтвердив окончательность своей позиции и предложив прекратить дальнейшую дискуссию [23]. Отсутствие религиозных запретов на оспопрививание в 1914 г. подтвердил даже наиболее консервативный старообрядческий журнал «Щит веры». Впрочем, его редакция подстраховалась, оговорившись, что прививки не возбраняются постольку, поскольку не представляют угрозы для христианской веры [24].

Еще одной темой активного обсуждения в старообрядческой среде вообще и на страницах периодических изданий «ревнителей старины» в частности стала допустимость страхования. Для религиозных традиционалистов свойственно убеждение в том, что несчастные случаи – это наказание либо испытание свыше, необходимое для исправления либо духовного укрепления. Соответственно, «коммерциализация» того, что следует осмысливать в религиозных категориях, неожиданное

получение «незаработанных» денег, нередко рассматривались в этой среде как грех. В начале XX в. «просвещенные» староверы пытались до некоторой степени разубедить в этом своих консервативных читателей. В 1911 г. «Златоструй», получивший соответствующие запросы от подписчиков, указал, что проблема страхования не связана с душевным спасением, касается житейских забот «о делах земных», а потому должна разрешаться в зависимости от тех целей, которые ставят перед собой страхователи. Разумеется, грешно, если человек заключает договор страхования для того, чтобы сжечь свое имущество, а затем получить премию. Однако если он просто беспокоится за то, чтобы предохранить свою собственность от потери, страхование допустимо. «Для того Господь и дал разум человеку, чтобы он устраивал разумно свою жизнь не только в отношении благ вечных, но и земных временных», – резюмировала редакция [25].

Как и в других случаях, однозначная позиция того иного журнала по щекотливому для традиционалистов вопросу не означала формирования консенсуса в старообрядческом мире вообще. Судя по публикациям последующих лет, тема «греховности» страхования продолжала будоражить умы. Особенно актуальной она была для беспоповцев, веривших в постепенное духовное воцарение в мире антихриста. Страхование они нередко рассматривали как одну из уловок последнего с целью совратить христиан с честного пути. В 1915 г. «Старообрядческая мысль» опубликовала интересную заметку на этот счет. Здесь рассказывалось об общине беспоповцев в Архангельской губернии, возбудившей перед министром внутренних дел ходатайство об освобождении от обязательного страхования собственных домов. До этого верующие пять лет пытались отказаться от страховки, дискутируя с местными вла-

стями и подкрепляя свои аргументы текстами Св. Писания. В случае страховки домов без согласия хозяев они решили совершенно отказаться от страховых премий даже в случае полного уничтожения имущества в результате пожаров. Аргументы верующих не показались властям достаточно убедительными: для сбора установленной законом суммы за страхование они прибегли к конфискации части домашнего имущества староверов. Однако эта мера еще больше укрепила староверов в мнении о правильности отказа страховаться [26, с. 671–672].

Выводы

Итак, начало XX в. ознаменовалось для старообрядческого мира серьезными дискуссиями об оправданности и душеполезности технических и социально-экономических новшеств, активно внедрявшихся в массовый быт. Подобно тому, как у многих консервативно настроенных людей начала XXI в. негативные эмоции оказались связаны с компьютеризацией, Интернетом или социальными сетями, у проживавших на сто лет раньше подданных Российской империи скепсис вызывали такие вещи, как граммофон, керосиновые лампы, спички, электричество, громоотвод, практики оспопрививания и страхования имущества. Наиболее последовательными противниками внедрения «новинок» были представители провинциального старообрядчества, выступавшие своего рода социальным полюсом культурной оппозиции по отношению к веяниям модернизации. Их аргументы

против новшеств, в идеале призванных сделать жизнь рядового человека комфортнее / безопаснее / интереснее, носили преимущественно религиозный характер. Прогресс в их глазах нес дегуманизацию, замену человеческих усилий бездушными механизмами. В технических новинках просматривалось искажение богоустановленной природы и нарушение естественного порядка вещей, а в новых социальных практиках виделись дерзость и пренебрежение установками Св. Писания. Подспудно на отрицательную оценку тех или иных «новинок» оказывало влияние и их иностранное (обычно западное) происхождение.

Впрочем, российский старообрядческий мир отнюдь не демонстрировал единства мнений в отношении «новшеств». Внедрение последних породило размежевание в старообрядческой среде на сторонников и противников усовершенствования традиционного быта. Старообрядческая интеллигенция, в том числе представленная в редколлегиях журналов, считала возможным и даже правильным применение новых технических средств и общественных практик. Разумное использование достижений прогресса виделось ей хорошим инструментом утверждения «старой веры» – с помощью печатного слова, звукозаписей, успехов в хозяйстве. Соответственно, популярные старообрядческие журналы регулярно призывали своих читателей рационально оценивать новации, рассматривать их как инструменты для правильной организации земной жизни.

Список литературы

1. Яхно О.Н. Технологические инновации и повседневная жизнь горожан на рубеже XIX–XX веков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. С. 273–281.

2. Crummey R.O. The old believers and the world of antichrist. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 307 p.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. 188 p.
4. Данилко Е.С. Старообрядчество на южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002. 218 с.
5. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. 658 с.
6. Апанасенок А.В. «Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 146–160.
7. Апанасенок А.В. В борьбе с «сизым змием»: проблема табакокурения на страницах старообрядческих журналов начала XX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 129–142.
8. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. 2000. Vol. 29, no. 1. P. 3–29.
9. Зенин Н. О граммофонах // Старообрядческая мысль. 1910. № 9. С. 159–163.
10. Новая граммофонная запись церковных песнопений // Старообрядческая мысль. 1910. № 11. С. 196.
11. Карнышев Е. Открытое письмо Н.Д. Зенину по поводу статьи его «о граммофонах» // Старообрядческая мысль. 1910. № 12. С. 208–210.
12. Зенин Н. На письмо свящ. Евфимия Карнышева // Старообрядческая мысль. 1910. № 12. С. 210–213.
13. Н. Смешное или печальное? // Старообрядческая мысль. 1910. № 7. С. 472.
14. Ответы редакции // Златоструй. 1912. № 7. С. 118–119.
15. Ответы на вопросы подписчиков // Щит веры. 1916. № 9. С. 438–439.
16. Попов Г. Грешно ли пользоваться электричеством и устраивать громоотвод // Старообрядческая мысль. 1912. № 5-6. С. 597–598.
17. Горский Л. Лая (Государева) // Уральский старообрядец. 1915. № 4-5. С. 49–50.
18. Распространение сельскохозяйственных машин в России // Златоструй. 1910. № 4. Приложение: Сельское хозяйство. С. 18–20.
19. Косьба травы машинами // Златоструй. 1912. № 7. Приложение: Сельское хозяйство. С. 3–5.
20. Шевцов К. Совет старообрядческих съездов о способах улучшения сельского хозяйства // Златоструй. 1912. № 8. Приложение: Сельское хозяйство. С. 1–3.
21. Шмаков П. Старообрядцы и оспопрививание // Старообрядческая мысль. 1910. № 6. С. 396–397.
22. Ответы редакции // Златоструй. 1911. № 5. С. 75–76.
23. Ответы редакции // Златоструй. 1912. № 7. С. 115.
24. Ответы на вопросы подписчиков // Щит веры. 1914. № 8. С. 826.
25. Ответы редакции // Златоструй. 1911. № 6. С. 68.
26. Староверы-беспоповцы и страхование // Старообрядческая мысль. 1915. № 7. С. 671–672.

References

1. Yahno O.N. Technological innovations and everyday life of citizens at the turn of the 19th–20th centuries. In: *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii = The industrial Ural. Bakunin readings. Industrial modernization of Russia in the XVIII–XXI centuries: proceedings of the XIII All-Russian scientific conference*. Vol. 1. Yekaterinburg: UrO RAN; 2018. P. 273–281. (In Russ.)
2. Crummey R.O. The old believers and the world of antichrist. Madison: University of Wisconsin Press; 1970. 307 p.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press; 1995. 188 p.
4. Danilko E.S. Old Believers in the Southern Urals: essays on history and traditional culture. Ufa: Gilem; 2002. 218 p. (In Russ.).
5. Kerov V.V. "This is a man and his work...": confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia. Moscow: Ekon-Inform; 2004. 658 p. (In Russ.).
6. Apanasenok A.V. "Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):46–160. (In Russ.)
7. Apanasenok A.V. In the fight against the “Blue Snake”: the problem of tobacco smoking on the pages of Old Believer magazines of the early 20th century. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal = Petersburg Historical Journal*. 2025;(2):129–142. (In Russ.)
8. Eisenstadt S.N. Multiple modernities. *Daedalus*. 2000;29(1):3–29. (In Russ.)
9. Zenin N. About gramophones. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(9):159–163. (In Russ.)
10. New gramophone recording of church hymns. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(11):196. (In Russ.)
11. Karnyshev E. An open letter to N.D. Zenin regarding his article "about gramophones". *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer Thought*. 1910;(12):208–210. (In Russ.)
12. Zenin N. On the letter of the Holy. Euphemia Kornysheva. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(12):210–213. (In Russ.)
13. N. Funny or sad? *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(7):472. (In Russ.)
14. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(7):118–119. (In Russ.)
15. Answers to subscribers' questions. *Shchit very = Shield of Faith*. 1916;(9):438–439. (In Russ.)
16. Popov G. Is it a sin to use electricity and arrange a lightning rod. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1912;(5–6):597–598. (In Russ.)
17. Gorsky L. Laya (Gosudareva). *Ural'skij staroobryadec = Ural Old Believer*. 1915;(4–5):49–50. (In Russ.)
18. Distribution of agricultural machinery in Russia. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):18–20. (In Russ.)
19. Kos'ba travy mashinami. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(7):3–5. (In Russ.)
20. Shevtsov K. Council of Old Believers congresses on ways to improve agriculture. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(8):1–3. (In Russ.)

21. Old Believers and vaccination. *Staroobryadcheskaya mysl'* = *Old Believer thought*. 1910;(6):396-397. (In Russ.)
22. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1911;(5):75-76. (In Russ.)
23. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1912;(7):115 (In Russ.)
24. Answers to subscribers' questions. *Shchit very* = *Shield of Faith*. 1914;(8):826. (In Russ.)
25. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1911;(6):67-68. (In Russ.)
26. The Bespopovtsy Old Believers and insurance. *Staroobryadcheskaya mysl'* = *Old Believer thought*. 1915;(7):671-672. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович,
доктор исторических наук, профессор, ве-
дущий научный сотрудник, Институт
научной информации по общественным
наукам Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences
(Historical), Professor, Leading Researcher, Insti-
tute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730